

УДК 303.425.5

А.А. Авдашкин

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор А.А. Пасс

СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-х – НАЧАЛЕ 2000-х ГОДОВ)

Рассмотрены стратегии интеграции мигрантов в принимающее общество и общие закономерности построения их коммуникативных сетей и сообществ. Автор отходит от традиционного понимания диаспоры как «общины» или монолитной этнической конструкции и сосредотачивается на анализе «коллективной биографии» мигранта. На основании глубинных интервью, включенного наблюдения и изучения устных историй критически оценивается тезис об этничности как основополагающей характеристике солидарности миграционных сообществ и диаспор.

Диаспоры, миграция, стратегии интеграции мигрантов, этническая идентичность, коллективный капитал, «биография мигранта».

The paper considers the strategies of migrants' integration into the host society and the general rules of constructing their communication networks and communities. The author departs from the traditional understanding of diaspora as «community» or monolithic ethnic design, and focuses on the analysis of «collective biography» of the migrant. The thesis of ethnicity as a fundamental characteristic of solidarity of migrant communities and Diasporas is critically evaluated based on in-depth interviews, participant observation and study of oral histories.

Diaspora, migration, integration strategy migrants, ethnic identity, collective capital, «biography of the migrant».

На рубеже XX – XXI вв. Россия столкнулась с проблемой интенсивных миграций из республик бывшего СССР. Миграционные сообщества развивались, усложняя свои стратегии интеграции в принимающее общество. Для улучшения понимания их структуры и научной оценки последствий миграций в постсоветский период в нашей стране целесообразно анализировать данные процессы сквозь призму групповых и индивидуальных стратегий и коммуникативных пространств мигрантов. Актуальность поставленной темы обусловлена необходимостью определить факторы, влиявшие на интеграцию мигрантов в российское общество, выявить внутреннюю среду самих диаспор.

В отечественной исторической науке практически отсутствуют методы исследования данной проблемы, поэтому значительную ценность представляют конструктивистские и структурно-функциональные подходы. Механическое приспособление мигранта к новым условиям не влечет за собой существенных изменений в образцах его поведения и ценностях – реализуются лишь инструментальные цели¹. Суть адаптации в том, что происходит «изменение внут-

ренних структур миграционных сообществ, социальных, культурных и психологических характеристик индивидов» [1, с. 17], долгосрочные и среднесрочные перспективы жизни мигранта оказываются связаны с принимающим обществом. По мнению Г. Шеффера, В.Д. Попкова, К.С. Мокина, большинство мигрантов применяют «общинную», т.е. групповую стратегию интеграции в принимающее общество. Мигрант удовлетворяет свои потребности не как отдельный индивид, а как представитель «общины». Ее основная цель – максимально эффективно интегрироваться в новые социальные, экономические, культурные условия [Цит. по: 5, с. 7; 3, с. 27]. Данный подход привел к появлению и применению целого спектра теорий «этнического предпринимательства», основанных на тезисе, что мигранты, обладающие общей этничностью, образуют интенсивные коммуникативные связи между собой и формируют экономические и социальные модели поведения на основе этнической солидарности, «этнический бизнес». Несмотря на их логичность и обоснованность, данные теории не способны объяснить многие аспекты существования диаспор и интеграционные стратегии мигрантов. Антропоцентричный подход М.А. Фадеичевой сфокусирован на этничности и диаспорах, но не в рамках коммунитарной парадигмы², искажающей этническую картину и игно-

¹ Под этим понятием автором понимается доминирование в структуре ценностно-мотивационных установок ориентаций на временное пребывание, стремление исключительно к заработку денег, отсутствие мотивации и (или) действий на адаптацию, тяга части трудовых мигрантов к уходу в теневые практики и структуры по купле-продаже услуг.

² Методологический подход, ориентированный на доминирование в обществе коллективистских ценностей и

пирующей социальную дифференциацию этнического массива, а отдельного этнического индивида в рамках антропной парадигмы [7, с. 18]. Анализ диаспоры как сплоченной «общины» влечет за собой непонимание последствий миграций, а значит ложные оценки усложнения этнокультурного многообразия в постсоветской России.

О.В. Паченков рассматривал сообщества мигрантов «вне их этничности»¹. Он выяснил, что они, выстраивая сети отношений между собой, ориентируются не на общую этничность, а на логику социальных и межличностных взаимодействий [4, с. 171]. Х. Эссер выделял виды коллективных капиталов, способствующих социальной адаптации и приспособлению мигрантов: 1) социальный капитал – совокупность полезных связей индивида или группы, призванная обеспечить выход на «информационных посредников»: необходимые институты, полезные люди при решении тех или иных задач. Это коммуникативная сеть внутри группы в конкретном месте расселения и за его пределами. Последнее условие является важным – контакты между акторами, находящимися в разных регионах (в стране исхода, на «исторической родине»), образуют предпосылку для создания сетей коммуникаций диаспоры в целом; 2) организационный капитал – наличие групп влияния, формирующих идентичность диаспоры, генерирующих и концентрирующих ресурсы, на основе которых возникают и укрепляются внутренние и внешние коммуникативные связи; 3) экономический – деньги, собственность, материальные ценности [6, с. 128 – 129].

Источниковой базой статьи выступили материалы включенного наблюдения, устных историй и глубинных интервью² с мигрантами, собранные по Челябинской области³. Как оказалось, интеграция ми-

грантов предстает процессом, происходящим между двумя основными совокупностями: кругом близких и непосредственных социальных контактов в стране исхода и в принимающем обществе (семья, друзья, земляки, коллеги, новые знакомые и соседи) и этнической группой («воображаемое сообщество», основанное на представлении о единстве и общих ценностях, солидарности не знакомых и не связанных реальным социальным взаимодействием людей). Сохраняя общий этнокультурный дискурс «мы-вместе, потому что мы одна «нация»⁴, мигранты ориентировались на непосредственные социальные контакты и редко вступали в коллективное взаимодействие, полагаясь на дискурс о «воображаемых сообществах». Удалось установить, что той или иной сплоченной и реально существовавшей (существующей) «общины» в масштабах города не было в 1990-х – начале 2000-х гг. и практически нет сейчас – есть лишь дискурс⁵ об их реальном существовании и высокой степени групповой сплоченности и организованности.

Исходя из полученных данных, структуру диаспоры (границы которой сложились исходя из ряда диспозиций: длительности проживания, социально-экономического статуса и интегрированности в принимающее общество) можно условно представить в следующем виде:

1) «старожилы» (ядро), как правило, это те, кто прожил на данной территории более 7 – 10 лет, успешно адаптированные, генераторы сети «этнических» ресурсов и идентичности диаспоры;

2) «недавние мигранты» (полупериферия), имеющие установки на интеграцию в принимающее общество, стремящиеся к восприятию его норм и ценностей, перенимая идентичность диаспоры, причем полупериферия зачастую являлась основной этноконтактной зоной, где происходило наибольшее число прямых контактов между принимающим обществом и миграционными сообществами, диаспорами;

3) трудовые мигранты (периферия) – члены группы, практически не включенные в сеть отношений диаспоры, которые создают свои сети коммуникаций, преследуют инструментальные цели и не образуют этноконтактной зоны. Специфика мотиваций и стратегий, коммуникативных полей данной группы позволяет нам говорить об отдельной совокупности – диаспоре трудовых мигрантов.

Представители ядра и полупериферии в процессе интеграции опирались на индивидуальные стратегии, мотивы их миграции предстают неоднородно, включая как инструментальные цели: 1) заработок, ведение бизнеса (для адаптированных старожилов указывались на начальном этапе); так и более сложные: 2) высокий уровень жизни и ясные социальные пер-

выдвигающий в качестве основного понятие «сообщество», «группа», «коллектив».

¹ См. подробно: Brubaker R., Cooper F. Beyond «identity» // *Theory and Society*. 2000. № 1. Р. 1 – 47.

² Значительную методологическую помощь автору оказали такие работы, как: *Бредникова О.Е., Паченков О.В.* Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // *Диаспоры*. 2001. № 1. С. 131 – 147; *Мокин К.С.* Балаково: миграционные истории армян // *Социс*. 2007. № 2. С. 94 – 101; *Фиалкова Л.Л.* Опыт адаптации в устных рассказах «русских» израильтян // *Диаспоры*. 2005. № 1. С. 19 – 47.

³ В исследовании были задействованы мигранты из республик Средней Азии, Закавказья, проживавшие на территории региона в заявленный период: 1990-е – начало 2000-х гг. (67 респондентов). Исследование проводилось в период май 2013 – май 2014 гг. Первоначально сбор материала шел в официальной обстановке, с применением диктофона и структурированного опросника, но вскоре стало понятно, что интервью сводится к сжато му пересказу мигрантом своей «официальной» биографии: «приехал – работал – потом уехал – приехал снова». Вскоре пришлось перейти преимущественно к включенному наблюдению и беседам в неформальной обстановке и фиксации наблюдений в дневники, были выявлены многие «противоречия» в материалах, собранных в том или ином формате, что пре-

доставило интересный материал для сравнения, качественного и количественного контент-анализа.

⁴ Понятие методично использовалось самими респондентами как универсальный конструкт для объяснения любых этнокультурных различий.

⁵ Данный дискурс и его субъекты представляют предмет отдельного исследования.

спективы в принимающем обществе (образование, медицина, возможность повышения стандартов потребления и т.д.); возможность открыть «свое дело»; опасность подвергнуться физическому насилию и дискриминации, политическая и социальная нестабильность в «стране исхода». Наблюдалась своеобразная «пирамида потребностей»: мотивы развивались качественно, усложнялись от инструментально-приспособительных до адаптивных по мере достижения тех или иных значимых целей: *«Мы приехали поторговать, заработать денег в 1992 г., в итоге остались жить, работали в кафе. Позднее свое открыли...остались жить насовсем»* [2].

Наиболее сложен анализ категории трудовых мигрантов, цели которых обусловили альтернативные диаспорам сети коммуникаций и обменов на локальном и трансграничном уровне. Отношения с принимающим обществом строились упрощенно, включая лишь доступ на теневой рынок услуг для мигрантов:

- 1) регистрация;
- 2) поиск жилья;
- 3) трудоустройство;
- 4) денежные переводы домой и способы финансового решения возникавших проблем.

Условием включения в сеть групповых ресурсов являлось общее информационное поле и поле социального взаимодействия – основным критерием «допуска» в них являлись родственные, межличностные отношения, профессиональные и лишь в последнюю очередь солидарность на базе общей этнокультурной идентичности¹, выраженной категориями типа «свой» – «чужой»: «азербайджанец», «армянин», «таджик», «узбек», реже «земляк». Несмотря на стремление создавать широкие сети контактов, особо подчеркивалось поддержание особо значимых и стабильных: *«Так или иначе, я знаю многих. А тех, кого не знаю я – знают мои знакомые. Но понятно, что постоянно и доверительно общался с 20 – 30, где-то так...»* [2].

Мигранты стремились построить вокруг себя разветвленную сеть коммуникаций для эффективного решения текущих задач, повышения своего статуса внутри локального сообщества в целом в восприятии тех, кто оставался в стране исхода, на исторической родине: *«Связи решают все, чем больше знакомств, тем лучше. Пусть даже это все «через-через-через», но так можно решить проблемы на все случаи жизни: нужен врач, юрист, электрик, кто из налоговой... чем больше заведешь, тем лучше»*. *«Поехал брат сюда в 2000 г., а я уже все «пробил» ему где, что и как»* [2]. Вновь прибывшие «первое время» проживали у друзей, знакомых, родственников, которые помогали устроиться на работу, найти жилье, открыть свое дело и т.д. Формировались своего рода

ячейки или малые группы² во внутренних сетях сообщества, основанные на личных, родственных отношениях, доверии и доступу (или допуску) к сетям ресурсов, сосредоточению коллективных капиталов.

Ими не могли воспользоваться лица, находившиеся вне системы связей и отношений малой группы, не обладавшие личной «поруккой» или «доверием», те, кто потенциально мог бы навредить статусу сообщества и (или) его членам. Данные лица (группы) изолировались от внутренних сетей коммуникаций. Созданные сети коммуникаций (внутренние и трансграничные) обеспечивали следующие потребности:

- 1) займ, перевод денег «домой»;
- 2) помощь при поиске жилья, трудоустройстве, ведении бизнеса;
- 3) организация свадеб, похорон, различных праздников;
- 4) решение юридических проблем;
- 5) помощь советом, рекомендацией, информацией как вновь прибывшим, так и планирующим приехать: *«Часто самая хорошая помощь – это совет, подсказать что-то, бумажки любой оформить может, но надо знать, как и где, у кого лучше, чтобы время зря не тратить»* [2].

Социальный капитал стал ресурсом, заменявшим в ряде случаев финансовые, за счет проведения взаимовыгодных обменов: *«Вообще эти отношения очень помогали, я находил ребятам жилье по своим каналам, они мне помогали с поставками овощей и фруктов, подсказывали нужных и проверенных людей кому можно товар оставить на складе или базе... или защищали от рэкета в 90-х гг.»* [2]. Ячейки склонялись к своеобразной специализации, каждый, предоставляя друг другу «уникальную» и отлаженную услугу, рассчитывал на взаимность со стороны контрагента. Данная сеть взаимовыгодных контактов базировалась не на общей этничности – то, что со стороны наблюдателя выглядело как отношения, основанные на общей этничности, в действительности являлось отношениями «друзей», «соседей», «земляков», «партнеров по общему делу», «коллег» [2].

Развитая сеть социальных контактов позволяла накапливать материальные ресурсы за счет максимального числа выгодных контактов для ведения бизнеса: *«Бизнес вести было трудно – нужно было всем платить и никто не спросит: «А ты вообще не разорился еще?!»*. *Поэтому связи с нужными людьми помогали избегать многих проблем и расширять дело, повышать прибыль, своих кое-где пристраивать...»* [2].

Динамичные сети обменов информацией и услугами позволяли ячейкам диаспор концентрироваться в вакантных социально-экономических нишах принимающего общества:

¹ Несмотря на постоянное акцентирование внимание со стороны респондентов на том, что их группа имеет общий дискурс «мы свои», это основание не было достаточным для включения в сеть социальных капиталов, оно происходило посредством «трансляции» доверия через поручительство кого-либо.

² Сообщество, где каждый знает лично другого представителя. В среднем их размер насчитывает не более 5 – 7 десятков человек, причастных к лицу или группе лиц, которые генерируют и копят капиталы. Важной составляющей социального капитала для ячейки является знание русского языка, опыт решения тех или иных задач.

- 1) доставка, торговля овощами и фруктами;
- 2) строительство;
- 3) общепит (содержание и работа в закусочных, кафе, снабжение их готовой продукцией и т.д.).

Несмотря на сетевую организацию диаспор, они сохраняли иерархичность: по мере накопления социального капитала росла возможность влияния на «своих», что становилось конкурентным преимуществом ячейки (группы ячеек) и позволяло ей (им) выступать субъектом конструирования идентичности диаспоры и ключевого узла накопления и распределения коллективных капиталов. С опорой на социальный капитал постепенно происходило накопление материальных ценностей, наиболее успешные в социально-экономическом плане ячейки становились мощными группами влияния.

К началу 2000-х гг. в целом завершилось конструирование общего поля идентичности, формирование диаспор. Оформленные группы влияния создавали национально-культурные центры для консолидации «своих», этнической социализации молодежи, взаимодействия с иными общественными формированиями, принимающим обществом (организация общегражданских и национальных праздников, участие в межэтническом и межкультурном диалоге на уровне региона, благотворительность): *«мы должны жить по российским законам, уважать эту землю, поэтому наш центр и выполнял двойную цель: во-первых, мы помогали своим соотечественникам освоиться в новом обществе, а во-вторых, пытались познакомить «принимающее общество» с нашей культурой, обычаями»* [2].

Таким образом, изложенное выше позволяет сделать ряд выводов относительно интеграционных стратегий мигрантов:

1. Применение структурно-функциональных и конструктивистских подходов, анализ биографий мигрантов имеет значительный познавательный потенциал в исторических исследованиях миграций и диаспор, поскольку позволяет реконструировать их коммуникативное пространство, его роль в выборе интеграционных стратегий мигрантов.

2. Реконструкция процесса интеграции мигрантов позволила получить следующую картину: на начальном этапе в развитии миграционных сообществ диаспор в 1990-е гг. применялась стратегия приспособления через создание сетей ресурсов в общем поле родственных и межличностных отношений – этнокультурные категории не играли ключевой роли; образовавшиеся ячейки участвовали в сети обменов на локальном и трансграничном уровне, обретая экономические ресурсы и авторитет среди «своих»¹, постепенно адаптируясь к условиям в принимающем обществе; сосредоточение социального капитала и экономических ресурсов превращало ту или иную ячейку в группу влияния, которая инициировала создание общественных организаций, культурных центров; сложившаяся в 1990-е – начале 2000-х гг. соци-

альная среда диаспор крайне неоднородна и имеет как минимум два основных элемента, которые между собой связаны в малой степени, относительно замкнуты друг от друга: адаптированные старожилы (их окружении) и приспособляющиеся трудовые мигранты; ориентация на общую этничность становилась фактором солидарности только для успешно адаптированных представителей группы, в среде основной части мигрантов она носила лишь ситуативный характер.

3. Приспособительная стратегия образовывала сообщества трудовых мигрантов, диаспоры «гастарбайтеров», включенных в теневой рынок купли – продаж услуг, социально и психологически дистанцированных от адаптированного ядра своих диаспор и принимающего общества, что провоцировало сокращению этноконтактных зон, этноцентричное восприятие дихотомии «местные» – «приезжие» принимающим обществом в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Смена приспособительной стратегии на адаптивную зависела от возможности ячейки создавать и накапливать коллективные капиталы на качественно новом уровне, ставить новые цели и усложнять структуру потребностей. Наиболее приемлема адаптивная стратегия и с целью ее стимулирования необходимо повышать перспективы более плотной интеграции (адаптации) для мигрантов: обучение русскому языку; получение необходимой юридической консультации; медицинского обслуживания; образования; помощь в трудоустройстве и приеме детей в школы, детские сады через систему миграционных служб; разъяснение позитивных последствий миграции для принимающего общества и повышение его этнокультурных компетенций, увеличение числа каналов коммуникаций, обладающих доверием с обеих сторон.

Источники и литература

1. Кузнецов, И.М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы): автореф. дис. ... канд. соц. наук / И.М. Кузнецов. – М., 2006.
2. Личный архив автора. Материалы глубинных интервью и устных историй с мигрантами из Средней Азии и Закавказья. 2013 – 2014 гг.
3. Мокин, К.С. Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде: автореф. дис. ... д-ра соц. наук / К.С. Мокин. – Саратов, 2007.
4. Паченков, О.В. Роль «этнической идентичности» в исследованиях миграции и ответственность социального ученого / О.В. Паченков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. 11. – № 1. – С. 162 – 182.
5. Попков, В.Д. Диаспорные общины в межкультурном взаимодействии: пути формирования и тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра соц. наук / В.Д. Попков. – М., 2003.
6. Попков, В.Д. Диаспорная община – модель отношений этнических мигрантов с принимающим обществом / В.Д. Попков // Диаспоры. – 2003. – № 3. – С. 126 – 152.
7. Фадеечева, М.А. Этнополитические концепции этнонациональных общностей и индивидов: автореф. дис. ... д-ра полит. наук / М.А. Фадеечева. – Екатеринбург, 2004.

¹ Родственников, друзей, земляков, «друзей друзей и друзей родственников» и т.д.